

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК
ВЫПУСК 11 (74)

ИСТОРИЯ
и
ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 4

ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ НА ЭРИТРЕЙСКОМ МОРЕ

Сведения о посольствах Византии к химьяритам и эфиопам сохранились в источниках на греческом и сирийском языках. Во многом их сведения совпадают, но затруднения представляют как хронология посольств, так и данные о выполнении того или другого поручения.

Значение донесений послов с государственной точки зрения понимали и в X в., о чем свидетельствуют знаменитые выписки Константина Порфирогенита *Ἑπόθεσις τοῦ περὶ πρέσβεων τεύχους Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικοῦς* и *Περὶ πρέσβεων ἐθνῶν πρὸς Ῥωμαίους*. Этому труду мы обязаны ценнейшими сообщениями «софиста Малха» об острове Иотабе и киндитах, «протектора Менаандра», «патрикия и магистра Петра», участников посольств к персам и тюркам. Патриарх Фотий в своей *Βιβλιοθήκη* сохранил выписку из «Истории» Нонна о посольствах, как и многое другое из утерянных и не дошедших до нашего времени сочинений византийских авторов.

Фотий пишет: «Прочитана мною история Нонноза, в которой он рассматривает свое посольство к эфиопам, химьяритам и сарацинам, сильнейшим тогда народам, также и к другим восточным народам».¹ Далее Фотием дана выписка и несколько кратких заметок из этого сочинения. Другим фрагментом из «Истории» Нонна, как это давно признано, является сообщение о «химьяритах и индах» Малалы.² Хотя он и не называет имени Нонна, но часть рассказа ведется в первом лице. Это указывает на то, что автор донесения сам был в посольстве. Особенно показательным в тексте Малалы является написание имени химьяритов как *Ἀμερίται*, так же, как во фрагментах Нонна у Фотия, тогда как более широкое распространение имеет написание *Ἰμμήριται*.³

Сведения Нонна, его посещение Эфиопии и пребывание в Аксуме представляют выдающийся интерес как для истории этого государства, так и для событий в государстве химьяритов, которые находились в зависимости и в подчинении у Эфиопии, оборонялись от ее повторных и настоячивых притязаний. Не меньший интерес и значение имеют сообщения Нонна

¹ Nonnosus. Fragmenta. Fragmenta historicorum graecorum, t. IV. Ed. C. Mullerus. Parisiis, 1851, p. 179.

² Joannes Malalas. Chronographia. Ed. Bonnae. 1831, pp. 433, 457.

³ Procopius Caesarensis. De bello persico. I. 20, t. I. Ed. Haury. Lipsiae. 1905, p. 109 (в дальнейшем: В. Р.).

о посольствах, направленных Византией в мелкие арабские государства, и о сложных отношениях, стремлениях, намерениях, которым мощная империя стремилась подчинить небольшие, но тем не менее досаждавшие ей государства. Судя по тем фрагментам «Истории» Нонна, которые до нас дошли, она содержала сведения о посольствах, в которых участвовали сам Нонн или члены его семьи, отец и дед. Несмотря на то, что в те же годы из Константинополя, в те же мелкие арабские государства был в качестве посла направлен Юлиан, в конспекте записей Нонна, который сохранил Фотий, его имя не упоминается.

Известна точная дата посольства Авраама, отца Нонна. Отец Авраама, Евпор, выполнял дипломатические поручения при императоре Анастасии, Авраам служил императору Юстину и Юстиниану, послом последнего был и Нонн. Три поколения этой сирийской монофизитской семьи участвовали в сношениях Византии с северными арабскими племенами, с Южной Аравией и государством Аксума. В традициях этой династии послов было знание греческого и арабского языков, помимо родного сирийского.

Из записей Нонна известно, что Авраам был направлен к Мундару, чтобы добиться освобождения двух византийских военачальников. Точную дату этого посольства дает послание Симеона Бетаршамского на сирийском языке — январь 524 г. Другая дата посольства Византии в Химьяр известна из знаменитой надписи Абрахи (СН 541), относящейся к 543 г.

Между этими двумя данными следует поместить целый ряд посольств, которые имели место и которые выполнялись различными лицами; среди них известно имя Юлиана, Нонна и его отца Авраама.

Важнейшим источником истории посольств являются записи Нонна, которые с его именем связываются Фотием: «... прочитана история Нонна» (*ἀνεγνώσθη Νοννίου ἱστορία*),⁴ а далее следует изложение важнейших фактов из этой истории. Этническое название химьяритов в этих фрагментах Нонна пишется как *Αρειῖται*. То же написание имеется и в тексте Малалы (стр. 457—459), причем часть текста передает рассказ о посольстве в первом лице (стр. 458), что заставляет предполагать, что это выписка из записей Нонна. Сближает текст Нонна у Фотия и у Малалы и следующее: в тексте первого говорится о том, что «древние называли арбилы (*ἀρβίλας*) то, что ныне зовется сандалиями, а факиолин фасолием». Факиолин это головной убор, плат или тюрбан, который назван так у Малалы, тогда как у Нонна в изложении Фотия приведен лишь самый термин и его объяснение.⁵ Совершенно ясно, что название головного убора, совпадая в обоих текстах, восходит к записям Нонна.

У Нонна в изложении Фотия сказано, что Нонн сопротивлялся многим коварным замыслам народов, с которыми ему пришлось иметь дело. Он встретился с большими опасностями в пути, непроходимыми землями,

⁴ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.

⁵ Joannes Malalas. Chronographia, p. 457; Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 312—313 и Примечания.

с дикими и страшными зверями.⁶ А далее сообщается, что между портом Адулисом и Аксумом, расстояние между которыми исчисляется в 15 дней пути, около места, называемого Авою — ἡ Ἀύη, византийскому послу пришлось увидеть стадо слонов примерно в пять тысяч голов.⁷ У Малалы «ромейский посол» держит путь от Александрии, по реке Нилу и Индийскому морю в Индийские пределы. Совершенно очевидно, что речь идет о Красном море. Как нами уже отмечалось, этот путь в промежуточных звеньях между Нилом и Красным морем должен был проходить по Африканскому матерiku. Наиболее вероятно, что переход этот имел место от верховьев Нила к Беренике, по дороге, устроенной еще Птолемеями.⁸ Параллельный текст имеется в Хронографе Феофана под 6064 г., соответствующем 571 г. н. э. Это время императора Юстина II.⁹ Но все содержание этого отрывка не вызывает сомнения в том, что речь идет о том посольстве, о котором рассказано у Малалы (стр. 456—459), но где посол по имени не назван. У Феофана послу дается имя Юлиана, известное и Прокопию, который относит его ко времени императора Юстиниана (В. Р. I, 20, p. 108). Но рассказ Феофана почти дословно повторяет описание приема у эфиопского царя, как оно изложено у Малалы, все детали его одежды и передачи ему грамоты. Путь посла тот же, что у Малалы, из Александрии по реке Нилу и Индийскому морю до Эфиопии, царем которой назван Арефа. Это имя могло ошибочно попасть в текст Феофана из материалов о мученичестве Арефы или по отдаленному смутному и неверному представлению об арабских царях с этим именем племени киндитов и гасанидов. Но имя химьяритов Феофан пишет как и Прокопий — Ὀμῆριται.

Очевидно, что у Феофана произошло слияние сведений Прокопия о посольстве Юлиана и рассказа Нонна о его путешествии к химьяритам и эфиопам. Вследствие этого нарушены и хронологические рамки, так как посольство к химьяритам и эфиопам, о котором рассказывает Малала (стр. 456—457), было направлено по предложению «патрикия Руфина» при жизни шаханшаха Кавада, следовательно до 531 г.

Считать посольство Нонна и Юлиана одним и тем же, как полагает Смит,¹⁰ нам не представляется возможным: это были разные посольства, они имели разное содержание, разные задачи, как это было нами выше показано. Как и Авраам, Нонн имел ответственные полномочия и не являлся сопровождающим Юлиана лицом. Неясность сведений об этих посольствах относится к отдаленному времени, так как уже Малале в VI в. было невозможно назвать имя посла, донесение которого он внес в Хронографию. Посольство Юлиана относилось к более раннему времени —

⁶ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.

⁷ Там же, стр. 180.

⁸ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 312.

⁹ Theophanes. Chronographia. Ed. De-Boor. Lipsiae, 1883, pp. 244—245.

¹⁰ S. Smith. Events in Arabia. Bull. School of Orient. a African Studies (RSOAS), v. 16, part 3, 1954, p. 450.

к 526/7 г.; оно имело место между 525 г., годом победы Эла Ашбеха, и 531 г., годом смерти шаханшаха Кавада.¹¹

Сравнивая различные источники о посольствах, следует уделить внимание сведениям Иоанна Ефесского, быть может, находящимся в связи с неясностями и путаницей, которые обнаруживают источники в вопросе о посольствах. Сирийский историк уделит внимание вопросу о христианизации Нубии, которая должна была стать новой областью для распространения монофизитства. Рассказ этот вскрывает очень интересную и мало исследованную сторону политики эпохи Юстиниана, роль царицы Феодоры и монофизитов, страстным сторонником которых был Иоанн Ефесский. Однако сообщаемые им факты заслуживают в этом случае полного доверия, и самый рассказ имеет особый колорит, который теряет свое очарование в пересказе.¹²

Священник Юлиан отправился обращать нубийцев и склонять их к монофизитству еще при жизни царицы Феодоры, следовательно до 548 г.¹³

Длительное пребывание Юлиана в Африке и сохранившиеся, по его рассказам, сведения, возможно, дали материал, который стали приписывать, как сообщенный, одному из послов. Имя Юлиана, брата Сумма, посла, и имя Юлиана-пресвитера, монофизита, посланного Феодорой к нубийцам, могли быть поводом, чтобы спутать сведения одного и другого; к тому же имелись еще сообщения Нонна. Возможно, что все это вместе и послужило причиной для возникновения неясностей, которые имеются в хрониках Малалы и Феофана. С наибольшей уверенностью можно говорить о данных Нонна, сообщенных Фотием, который сам читал эти донесения, и о словах Прокопия, который знает о посольстве «Юлиана, брата Сумма», быть может, и обозначенного так им в отличие от пресвитера Юлиана, просветителя нубийцев.

Большой интерес текста Иоанна Ефесского — в сообщении об общем направлении политики Константинополя, а также об антагонизме между православием Юстиниана и монофизитством Феодоры. Это сообщение свидетельствует о настойчивой, длительной заинтересованности Византии в привлечении западных областей африканского материка. Неслучайно, что путь послов в Эфиопию шел в значительной части по континенту.

Таким образом, располагая донесениями Нонна в выписках Фотия и материалом «Хронографии» Малалы, следует сделать вывод, что они исходили из одних и тех же данных и что это сведения посольства Нонна; то же следует сказать и о тексте Феофана, в котором, однако, посол назван именем Юлиана.

¹¹ Н. П и г у л е в с к а я. Византия на путях в Индию, стр. 324; В. R u b i n. Das Zeitalter Justinians, Berlin, 1960, p. 315, nota 987.

¹² Joannes E p h e s i n u s. Historia ecclesiastica. Pars tertia, IV, 5—8. CSCO Sreptores Syri, Series tertia, t. III, p. 182—188.

¹³ А. П. Д љ я к о в. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1909, стр. 313.

Интересны сведения в «Мученичестве Арефы». В этом памятнике расчет продолжительности пути до Неджрана сделан от Финикона;¹⁴ это был, следовательно, отправной пункт для дальнейших путешествий. Внимание привлекает и то, что в той же 19-й главе у Прокопия есть страницы, посвященные Нубии, имеющиеся и у Иоанна Ефесского. Но оба историка рассматривают вопрос о ней с разных точек зрения. Для сирийца, Иоанна Ефесского, главный интерес — в христианизации Нубии, и он прав, указывая на то значение, которое придавали этому в Константинополе как одной из очередных задач восточной политики. Более того, он особо выделяет монофизитскую пропаганду, которой покровительствовала Феодора. Прокопий же выделяет другую сторону, историческую. После того как им описан морской путь от химьяритов в Эфиопию, он сообщает о Нубии: из гавани химьяритов, «называемой Буликас», обычно отправляются в порт эфиопов, от которого г. Адулис, не являющийся приморским, отстоит на двадцать стадий, а до г. Аксума лежит двенадцатидневный путь. Затем Прокопий переходит к описанию кораблей и заканчивает тем, что таковы сведения «относительно моря, называемого Эритрейским, и находящихся по обоим сторонам его землям».

Дальше Прокопий переходит к пути из Аксума к Элефантине, городу в Египте «у границы Ромейской державы», который он измеряет в 30 дней пешеходного пути. Здесь живут многочисленные народы, среди них блемми и новоты (нубийцы). Блемми населяют средние, внутренние, области, а нубийцы расположились вдоль Нила. При Диоклетиане на о. Филы была выстроена крепость и заключено соглашение с нубийцами об охране границ империи.¹⁵ Часть их племен переселена на Нил, по обоим его берегам, с тем, чтобы они сами не попадали больше на оазис и отражали постоянные угрозы блеммиев. Он дает также справку о язычестве нубийцев с особым почитанием Изиды и Озириса. Храмы нубийцев были разрушены при Юстиниане полководцем Нерсесом.

Эти действия ромейских войск были связаны и с политикой насаждения христианства, о которой Прокопий не говорит, но которая ему, конечно, была известна. Подробные сведения об этом сохранил сирийский историк.

Посольства

Организация провинций, основным населением которых были арабы, представляла для империи нелегкую задачу. В V и VI вв. особое внимание было необходимо уделить провинции Палестине 3-й, в состав которой входила часть земель, принадлежавших Nabateyскому государству с городами Петрой, Аринделой, Ареополисом, Елузой. Синайский полуостров с г. Аилом и о. Иотабой объединяли в этой провинции кратчайшим сухим путем гавани Средиземного моря с Красным морем.

¹⁴ Martyrium A r e t h a e. Acta sanctorum. Octobris, v. X, p. 722; Н. П и г у л е в с к а я. Византия на путях в Индию, стр. 323.

¹⁵ В. Р. I, 10, pp. 105—106. В. R u b i n. Das Zeitalter Justinians, I, p. 1.

Экономическое значение ее было велико; это очевидно и из той борьбы, которая ведется за нее в последней четверти V в. Вернув себе прежнее положение на Иотабе к началу следующего века, Византия стала решать задачу контроля и освоения торговых путей в Южную Аравию и, следовательно, необходимого ей влияния на арабские племена, оседлые и кочевые, державшие эти пути. Отсюда интерес к Финикону, к племенам маадеев, к связи, которую было необходимо постоянно обновлять с химьяритами и с государством Аксума.

В этой связи империи были далеко не безразличны судьбы маадеев и киндитов, занимавших области центральной Аравии. Общая задача ставилась ее внешней политикой в бассейне Красного моря, о чем свидетельствуют прежде всего частые сношения официального характера — посольства.

Обмен посольствами принадлежит к одной из древнейших форм связи между государствами. Очень рано выработались и основы международного права, особого положения посла, его личной неприкосновенности, право покинуть страну, с которой вступали в сношения беспрепятственно в любое время. В Византии эти правила и приемы международных сношений были восприняты в традициях императорского Рима, но в Константинополе умели развить, осложнить, сделать более пышными и величественными все аксессуары официального представителя «кесаря» и «августа». Но наряду с послами широко пользовались услугами более мелких должностных лиц, иногда имевших чисто личные экономические интересы или клерикальные задания, возлагая на них предварительные переговоры, выяснение возможности добиться желательных результатов, своего рода разведку. Не всегда можно провести грань между официальным и полуофициальным представительством, но и те, и другие давали ценнейшие сведения о состоянии, условиях жизни и интересах другого государства.

Для истории народов, приливавших к границам Византийской империи, — арабов, славян, тюрок, — исключительно большое значение имеют сведения, сохраненные в официальных донесениях византийских послов или в их рассказах и записях. Прославленная кодификация и точность законодательных норм империи, канцелярско-бюрократическая упорядоченность податных и кадастровых списков, навык к записям, легкость письменного греческого языка — все это родило обычай записывать то, что происходило на чужбине, сообщать не только необходимые факты, но и рассказывать. Будут ли это записи посла Нонна (Nonnosus), пространные сирийские послания Симеона Бетаршанского своему другу или описания купца Козьмы Индикоплова в «Христианской топографии» — все эти письменные рассказы вызваны традицией письменных сообщений, записей, которые велись путешественниками по личным или по официальным поводам за пределами империи. То, что сохранилось из этих материалов, является ценнейшими сведениями о народах, с которыми сносилась Византия.

Следует попытаться восстановить хронологическую последовательность византийских посольств. Прежде всего можно установить следующее: Арефа, отпрыском которого был Кайс, был, как и он, филархом. Так как речь идет о киндитах, то есть все основания предполагать, что это Харит ибн Амр ибн Худжр, который был убит в 528 г.¹⁶ К этому Арефе был направлен дед Нонна в царствование императора Анастасия. Имя деда, не названное Нонном, было Евпор, так как отец Нонна Абрам (Ἀβράμης) известен Симеону Бетаршамскому, который называет его Абрамом бар Евпором.

Про Арефу говорится: καὶ αὐτοῦ φυλάρχος γεγενημένου πρὸς ὃν ὁ Νοννόσου πάππος ἐπρεσβεύσατο παρὰ Ἀναστασίου τότε βασιλεύοντος ἀποσταλεῖς καὶ τὰ πρὸς εἰρήνην ἐσπέισατο.¹⁷ Дед Нонна Евпор в царствование императора Анастасия был, следовательно, направлен послом к киндиту Арефе для заключения мира. В хронике Феофана сохранились сведения о заключении мира в 502 г. с Арефой, «называемым Талабаном», т. е. с киндитом «Харитом ибн Таалаба», после тяжелых опустошений и нападений, которые произвели арабские племена, подчиненные этому роду, в предшествующем 501 г. на области Финикии, Сирии и Палестины.¹⁸ К 502 г. с наибольшей вероятностью можно приурочить посольство Евпора с целью заключить мир с киндитами. В результате этого в 502 и 503 гг. талабиты активно сражались на стороне Византии, и особенно чувствительное поражение «персидским арабам», лахмидам, они нанесли, напав неожиданно на Хирту.¹⁹ Арефа был филархом и состоял на службе Византии, когда между ним и силентиарием Диомедом, дукой Палестины, произошли столкновения, которые заставили киндита, «сына Талабана», бежать в отдаленные области Аравии.

Отец Нонна «Авраам бар Евпорос», в свою очередь, неоднократно был посылаем с поручениями к различным арабским правителям. В царствование императора Юстина, которому служил Авраам — Ἰουστίνῳ δὲ τῷ βασιλεῖ, — он был послан к «Аламундару филарху сарацин», т. е. к ал-Мундару III, царю лахмидов. Подробности его миссии известны из сирийского источника — послания Симеона Бетаршамского.²⁰ Монофизитский епископ Симеон Бетаршамский был проповедником христианства в Хирте, обратил многих арабов и убедил их — «знатных» — построить там церковь. Эта христианская церковь была замечательна еще и тем, что в ней велись записи царствования царей лахмидов, синхронно сопо-

¹⁶ Joannes Malalas. Chronographia, p. 434—5; Ih. Nöldke. Die Ghasanischen Fürsten aus dem Hause Gafnas. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1886. Berlin, 1887, p. 11; W. Caske l. Entdeckungen in Arabien. Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen. H. 30, 1954, p. 13.

¹⁷ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.

¹⁸ Theophanes. Chronographia, pp. 143, 144.

¹⁹ Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Л., 1940. Хроника Иешу Стилита, § 57, стр. 153.

²⁰ Подробности см.: Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 228—233.

ставленных времени сасанидских шахов: это был архив, о котором известно и арабским авторам.²¹

Авраам и Симеон Бетаршамский выехали из Хирты 20 января 524 г. (20 числа месяца кануна второго 835 г. селевкидской эры), так как не застали в ней Мундара. Последний находился в лагере, раскинутом в пустыне, «против гор, называемых Дахла, а на арабском языке Рамлах»,²² который отстоял от Хирты на 10 дней пути. Авраам был послан для того, чтобы заключить мир с Мундаром,²³ а главное — добиться освобождения («спасти» — *ὄνείσωσάτο*) двух ромейских стратегов, Тимострата и Иоанна, «захваченных по праву войны» *νόμφ πολέμου συλληφθέντας*.²⁴ Эти два сведения греческого и сирийского источника дополняют друг друга; очевидно, об этом посольстве и идет речь в обоих случаях. Следует отметить, что семья Нонна была сирийская, а связь Авраама с Симеоном указывает на то, что и он был монофизитом. Так как в Эфиопии и Южной Аравии христианство было распространено в монофизитской форме, то вполне понятно, что Константинополь пользовался услугами сирийцев-монофизитов для достижения поставленных им целей, тем более что Авраам был священником (*κλήρο*) и знал арабский язык. В лагере Мундара к его приезду стало известно о преследованиях, которым подвергались христиане в Неджране.²⁵

Миссия Авраама удалась лишь относительно, так как только дипломатическим путем освободить стратегов из плена не удалось. Им пришлось выкупать себя — Прокопий утверждает, что на это пошло «их состояние». Однако следует думать, что хотя бы часть выкупа должна была быть внесена казной, но автор «персидских войн» не хочет это признать, как факт, неприятный для ромеев.²⁶

Другое поручение, которое должен был выполнить Авраам, касалось сношений с Кайсом, филархом арабских племен Кинда и Маад, к которому он был послан императором Юстинианом, следовательно, после 527 г. В имени Кайса вполне основательно можно видеть сокращение имени Имрулькайс, традиционного у киндитов. Кайс был «отпрыском Арёфы» (*ἀπόγονος Ἀρέθα*) и правил (*ἡγεῖτο*) двумя названными племенами.²⁷ Он происходил «из рода филархов и отличался военными талантами» (*γένους μὲν ἦν τοῦ φιλαρχικοῦ καὶ διαφερόντος ἀγαθὸς τὰ πολέμια*).²⁸

²¹ Табари и Хамза Испаганский, см.: Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии в IV в. Палестинский сборник, вып. 5, 1960, стр. 49—51.

²² J. Guidi. La lettera di Simeone vescovo di Beth-Arsam sopra i martiri omeriti. Memorie della classe di scienze morali, storiche e filologiche, sér. 3, v. VII, Roma, 1881, p. 8.

²³ La lettera di Simeone vescovo di Beth-Arsam. Ed. J. Guidi. Reale Accademia dei Lincei. Roma, 1881, p. 1.

²⁴ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.

²⁵ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 228—233.

²⁶ В. Р. I, 17, p. 90.

²⁷ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.

²⁸ В. Р. I, 20, p. 109.

Что Кайс был родственником, но не прямым потомком Харита, подтверждается и арабской традицией, представленной у Хамзы Испаганского.²⁹ В филархию Кайса входили Неджд и те центральные области Аравийского полуострова, которые были заняты киндитскими и маадейскими племенами. В прошлом своем они зависели от Химьяра, так как были выходцами из Южной Аравии, но и переселившись, они не потеряли этой связи и во многом зависели от нее. Лахмиды в интересах Ирана и своих собственных стремились подчинить Маад своему влиянию.

Допустить это Константинополь никак не мог. Набеги, которые так часто совершались арабскими племенами, их «раззии» и более длительные походы ромеи стремились отражать, а затем и заключать с ними мир. С подобным поручением при Юстиниане и был послан Авраам, отец Нонна, чтобы заключить соглашение о мире (εἰρηνικὰς ἔθετο σπονδάς) и, если возможно, сына Кайса, звавшегося Мавией, «взять в качестве заложника и привести к Юстиниану в Византию».³⁰ Брать заложников в сношениях с арабскими племенами было обычной мерой, принятой в то время и известной также по сабейским надписям (например, по надписи Ру 506. из Мурайгхана 547 г. н. э.).

Правительство Юстиниана стремилось укрепить свою связь с арабскими племенами Неджда, желая быть уверенным в том, что здесь имеется надежная опора, защита от лахмидов и от случайных нападений других арабских племен. Обращение к Кайсу объясняется тем, что Кайс занимал положение главы племен киндитов и маадеев, «правил» ими, был могущественным и сильным господином областей центральной Аравии и мог контролировать пролежавшие сухопутные дороги.

Судя по тому, что, закончив свои слова о посольстве Авраама, запись Нонна о его посольстве к Кайсу и к царю Аксума Элесбоа (Эла Ашбеха) начинается словами μεθ' ὃν χρόνον — «после того времени», «позднее», предполагается известный промежуток времени между этими двумя посольствами.

К 525 г. относится победа царя Аксума Эла Ашбеха (Элесбоа, Калев) над Химьяром, где он поставил Сумайфу (Эсимфея), находившегося от него в зависимости и выплачивавшего ему ежегодно подать. К этим царям еще при жизни шаха Кавада (умершего в 531 г.) был направлен с дипломатическим поручением Юлиан, брат стратига палестинских войск Сумма (τῶν ἐν Παλαιστίνῃ στρατιωτῶν ἡγῆσαμένῳ).³¹ Посол должен был просить поддержки в войне против Ирана (Πέρσαις πολεμοῦσι ξυνάρασταί), они должны были ее оказать, будучи единоверцами (διὰ τὸ τῆς δόξης ὁμογνώμον).³² Второе поручение заключалось в том, чтобы убедить эфиопов в выгодах торговли шелком, скупки его и продажи Византии, которая свои

²⁹ Hamza I s p r a h a n e n s i s. Annales, I, p. 141; II, p. 112; G. O l i n d e r. The Kings of Kinda. Lund, 1927, p. 92.

³⁰ N o n n o s u s. Fragmenta, p. 179.

³¹ В. Р. II, 1, p. 149.

³² Там же, I, 20, стр. 108.

деньги (*χρήματα*), вынуждена отдавать врагам, т. е. персам,³³ так как персы снабжают ее этим драгоценным товаром.

Третья задача, стоявшая в программе, заключалась в том, чтобы химьяриты и арабы-маадеи совершили нападение на «землю персов», что с наибольшим успехом могло быть осуществлено при условии, что беглец Кайс вернется и будет восстановлен в своей филархии. Кайс убил одного из родственников Эсимфея, оставил свое княжество и бежал «в совершенно безлюдную пустыню». Это говорит о зависимости филарха маадеев от химьяритов, без согласия которых он не мог быть поставлен или вернуться, тем более, что Эсимфей по праву родовой мести мог расправиться с ним.

Кайс происходил из рода филархов и поэтому по праву был филархом киндитов. Он являлся также филархом воинственного Маада. Однако после того, как Эсимфей смог воспользоваться правом кровавой мести, Кайс предпочел скрыться в отдаленные и пустынные места, что, впрочем, не меняло его положения как филарха киндитов. Что касается филархии маадеев, то, конечно, предположение Кавара о том, что последние восстали против него, неправильно и не подтверждается никаким источником. Возможно, что Эсимфей не желал признавать его филархом Маада, племени, зависевшего от Химьяра, а о таком признании его просили ромеи. Для Византии примирение Эсимфея с Кайсом и признание последнего филархом было важно, так как только при этом условии можно было рассчитывать на возможность военных действий арабской коалиции против лахмидов, составлявших опору Ирана. Оба царя пообещали выполнить то, о чем просила Византия, отпустили посла, но не исполнили своих обещаний. Впрочем, дальнейший текст говорит лишь о том, что они не совершили нападения на Иран, и к вопросу о Кайсе Прокопий больше не возвращается.³⁴

По контексту, в котором Прокопий сообщает о посольстве Юлиана, большинство исследователей относит его к 531 г., помещая в тексте вслед за сообщением о битве при Каллинике. К этому времени относится, следовательно, и ходатайство за Кайса. Заключение договора *σπονδαί* с Византией и увоз Мавии, осуществленные Авраамом, по всей вероятности, относятся ко времени, последовавшему за примирением Кайса с Химьяром и, следовательно, после посольства Юлиана. Тем более, что и записки Нонна (у Фотия) последовательно называют посольство Авраама к Кайсу, затем Нонна и вновь Авраама.

Существует несколько затруднений для датировки посольства Юлиана. Если в одном случае (В. Р. I, 20) упоминание о нем заставляет отнести его к 531 г., то в другом случае выражения Прокопия доставляют затруднения. В начале 2-й книги Персидских войн (В. Р. II, 1) он упоминает о Сумме, «брате Юлиана, который незадолго перед тем был направлен послом к эфиопам и химьяритам» — *ὁ δὲ Σοῦμμος Ἰουλιανοῦ ἀδελφὸς ἦν ὃς ὀλίγω ἔμπ-*

³³ Там же, стр. 109.

³⁴ Там же.

ροσθεν ἐς Αἰθιοπίας τε καὶ Ὀμηρίτας ἐπέσβευσε.³⁵ По этому поводу можно высказать несколько предположений. Борьба за «Страту» между арабскими племенами, в связи с которой назван Сумм, имела место в 540 г. «Недавнее» посольство Юлиана едва ли могло быть так названо, если оно происходило за десять лет до этого. Можно предположить, что Прокопию известно второе посольство Юлиана, оно не было направлено к Элисефею, который в начале 30-х годов был смещен Абрахой.³⁶ Возможно и другое, что Прокопий не был особенно заинтересован в хронологии и несколько сместил события; он пренебрег тем, что отнес это посольство в первой книге к гораздо более раннему времени.

Неясности в сообщениях Прокопия усугубляются плохим состоянием текста Малалы, который, не называя посла по имени, отчасти повторяет сведения, известные из Нонна.

Различие в характере посольства Юлиана и Нонна бросается в глаза. Юлиан был послан в разгар военных действий Ирана против Византии. С 529 по 531 г. один поход персов следует за другим. В 529 г. была опустошена Сирия и лахмиды достигли предместий Антиохии, в 530 г. имела место жестокая битва при Даре и ее тяжкие потери, в 531 г. сражения у Каллиника (Ракки) принесли персам «Пиррову победу».³⁷ Византии была необходима помощь и поддержка, а нападение «химьяритов и сарацин — маадеев на землю персов» могло значительно облегчить положение империи: ³⁸ об этой помощи и просил посол Юлиан.

О посольстве Нонна известно, что он, «если возможно», должен был привести Кайса к императору, посетить царя аксумитов Элесбоа (Эла Ашбеха) и быть у химьяритов.³⁹

Объединить в одно посольство Юлиана и Нонна пытается С. Смит,⁴⁰ но с доводами его трудно согласиться, как это нами показано. Тем более произвольный характер носит предположение Кавара, что Юлиан и Нонн состояли в одном посольстве, что Нонн был на Аравийском полуострове, а затем прибыл к Юлиану в Эфиопию и сообщил ему о результатах своей миссии.⁴¹ При данном состоянии источников эти предположения остаются недоказуемыми.

На долю «сына Абрама» выпало длинное и опасное путешествие. Чтобы прибыть к месту назначения, Нонну пришлось преодолеть много затруднений на пути. От различных народов он терпел притеснения и был в страхе перед дикими зверьми.

³⁵ Там же, II, стр. 149.

³⁶ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 314, 326; S. Smith. Events in Arabia, p. 465.

³⁷ B. Rubin. Das Zeitalter Justinians, pp. 274, 280, 284.

³⁸ B. P. I, 20, p. 109.

³⁹ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.

⁴⁰ S. Smith. Events in Arabia, pp. 449—450.

⁴¹ J. Kawar. Byzantium and Kinda. Byzantinische Zeitschrift, 1960, t. 53, pp. 61, 63.

Более подробное изложение путешествия посла, не названного по имени, имеется у Малалы (стр. 456—459). У Феофана (стр. 244—245) посол назван Юлианом, но время посольства отнесено к царствованию Юстина II. Однако и в выписке Фотия из записок Нонна имеются сведения, сближающие все три источника.

Очевидно, что в Константинополе возлагали большие надежды на Кайса; он был необходим не только в качестве филарха арабских племен в Неджде, но и в пределах самой империи должен был занять положение, с тем чтобы оберегать одну из провинций.

Уговорить Кайса прибыть в Византию Нонну не удалось — это дипломатическое поручение потерпело неудачу. Поэтому к нему был вновь послан отец Нонна Авраам, и только тогда Кайс «свою филархию» (τὴν ἰδίαν φιλαρχίαν), т. е. филархию племен Кинда и Маад, предоставил своим братьям — Амру (Ἀμβροφ) и Язиду (Ἰεσίδωφ), разделив ее между ними, сам же он отправился в Византию. Хотя Иотаба и была возвращена Византией, но арабские племена продолжали вызывать беспокойство и Кайскиндит был наиболее подходящим кандидатом, чтобы занять положение филарха, преданного интересам империи именно потому, что эти области в недавнем прошлом были подчинены киндитами и это облегчало управление ими, что для киндита было привычным. Юстиниан поставил его «править» Палестинами (αὐτὸς τὴν Παλαιστινῶν ἡγεμονίαν παρὰ βασιλέως ἐδέξατο). Существенное значение имело то, что Кайс привел с собой большое число «подчиненных». ⁴² Под ὑποταγμένοι следует понимать, конечно, подчиненных ему арабов, а так как племена, филархом которых он был, как и сам Кайс, были воинственны, то можно вполне уверенно говорить о том, что Кайс привел в Палестину свое арабское войско, которое должно было нести сторожевую, охранную и военную службу в этой провинции. Северо-восточные области по сиро-финикийскому побережью, принадлежавшие когда-то Пальмире, были под рукой гасанидов, которые вытеснили салихидов; Кайс был филархом Палестины 2-й и 3-й, занимавших юго-западный край Византии до Синайского полуострова, что наиболее вероятно. Киндит оказался, таким образом, в близком соседстве с гасанидами, глава которых Харит ибн Габала входил в силу, оказав ряд услуг империи. Силы киндитов были уже ослаблены, династия перебита, Кайс был лишь потомком, а не наследником по прямой линии. Следует думать на основании последующих событий, что Финикийское и побережье Акабского залива принадлежали областям, на которые также распространялась власть филарха 3-й Палестины. Тем более его положение могло считаться завидным. Гасаниды сумели вытеснить Кайса, принадлежавшие ему области были к началу 40-х годов в руках брата Харита, Абукариба ибн Габала. В 543 г. его посланец был в числе признавших воцарение и победы Абрахи.

⁴² Nonnosus. Fragmenta, p. 179.

Абукариб, «подаривший» Юстиниану Финикон, стал известен как брат Харита ибн Габалы и гасанид благодаря надписи Абрахи. Глава 19-я первой части «Персидских войн», в которой упоминается Абукариб, стоит особняком и не связана хронологически ни с предшествующей 18-й, ни с последующей 20-й главами. Заканчивается 19-я глава словами: ἐγὼ δὲ ἐπὶ τὸν πρότερον λόγον ἐπάνειμι— «Итак, я возвращаюсь к предшествующему слову»,⁴³ к тому, что было им изложено до этой справки. Начало 20-й главы связывает ее с 18-й: Ὑπὸ τοὺς χρόνους τοῦ πολέμου τοῦδε— «около времени войны той», т. е. примерно ко времени войны с персами и битвы при Каллинике, имевшей место в 531 г., Прокопий относит свои сообщения этой главы. 19-я же глава является исторической справкой, не находившейся в хронологической связи с ней. По мнению целого ряда исследователей, она была введена для того, чтобы смягчить, затушевать последствия разгрома и поражения византийских войск, чтобы спасти своего героя Велизария. Как это видно и из сравнения двух заметок в 1-й и 2-й книгах «войн» о Юлиане, Прокопий не строго придерживался последовательности и точности во времени. В 19-й главе он не преследовал этой цели вовсе, а дал читателю представление о трех областях Аравийского полуострова и Африки, к сообщению о которых он переходит в 20-й главе. Поэтому сообщения его в этой главе могли относиться и к предшествующему, и к последующему за 531 г. времени. Начало 20-й главы на это и указывает.

Исходя из этого, совершенно нет необходимости решать сложный вопрос об одновременной принадлежности филархии Палестины киндиту Кайсу и гасаниду Абукарибу. Вопрос этот решается совершенно иначе. Первые семь книг «Истории войн» Прокопием были написаны между 545 и 550 гг.⁴⁴ В 19-ю главу, как главу исторических справок, могли войти разновременные сведения, поэтому и сведения об Абукарибе могли относиться и к сороковым годам, подобно тому как год посольства Юлиана был назван «недавним» в контексте сообщений 540 г. Тем более нельзя согласиться с тем, чтобы относить к 502 г. утверждение филархом не только Харита-гасанида, что можно вывести из источников, но и его брата Абукариба, что не подтверждено никакими данными.

Гасаниды набирали силы постепенно. Харит ибн Габала занял главенствующее положение, но его западные соседи киндиты были еще сильны. Полной уверенности в том, что гасаниды могли заменить киндитов, еще не было. К тому же киндиты пользовались авторитетом в центральных областях Аравии и были признаны маадеями. По этой причине в Византии желали, чтобы Кайс состоял у нее на службе и был филархом Палестины. Если считать множественное число источника за указание на то, что ему была подчинена не одна из провинций, называвшихся Палестинами, то это должны были быть 2-я и 3-я Палестины, тем более что 3-я, если не

⁴³ В. Р. I, 19, p. 106.

⁴⁴ В. R u b i n. Das Zeitalter Justinians, p. 193.

примыкала вплотную, то была ближайшей к областям, занятым в центральной Аравии киндитами и маадеями. В ее состав входил Аил, побережье Акабского залива и о. Иотаба. Кайс со своим войском согласился поступить на службу к Византии лишь после 4-го к нему посольства, 2-го посещения им Абрама. Едва ли это могло иметь место раньше второй половины 30-х годов VI в., так как прошло известное время между 1-м посольством Абрама, путешествием Нонна и 2-м посольством Абрама.

Нельзя согласиться с мнением тех исследователей, которые считают его филархом одновременно с Абукарибом, или с мнением Кавара, который произвольно предполагал, придавая особое значение выражению *ἡγεμονία*, что Кайс занял особое положение, выше прочих филархов; к тому же это высокое положение было фиктивным — по его же мнению.⁴⁵

Кайс занял положение филарха и правителя двух Палестин; он оказался в непосредственном соседстве с гасанидом Арефой, но долго такое положение не могло сохраниться при том, что они соперничали и были враждебны друг другу. Гасаниды продолжали наступление на киндитов и к началу 40-х годов вытеснили их. Ценой приобретения филархии был «дар» Юстиниану Финикона, ничтожный и ненужный подарок в глазах Прокопия. Если главенствовали над Финиконом гасаниды, то Кайс во 2-й и 3-й Палестинах оказался зажатым между областями влияния двух братьев гасанидов, и тем самым судьба его была решена. До того как была выгравирована надпись Абрахи, Абукариб «был поставлен филархом арабов Палестины»⁴⁶ и в качестве такового направил своего «посланца» в Химьяр. Гасаниды расширили и утвердили свое могущество за счет киндитов.

Судьба Финикона

В Византии справедливо придавали значение экономическим связям с областями, лежавшими вдоль берегов Красного моря, а также с областями, прилежавшими к Египту в Африке и к азиатским провинциям на Аравийском полуострове. Задача сделать море, разделявшее эти два материка, морем, над которым доминировала бы империя, сулила большие выгоды.

В 473 г. Иотаба была захвачена киндитом Аморкесом (Имрулькайсом), как об этом сообщил Малх. Однако Византия сумела вернуть этот важный для нее пункт. К 497/8 г. н. э. (5990 г.) Хронография Феофана относит блестящие победы полководца Романа.

«В этом году арабы, называемые скиннитами, совершили нападение на Евфратезию. В первом селении Сирии, называемом Битрапса, тамошний стратиг Евгений, муж усердный в слове и в деле, выступил против них и победил в битве. Победенные были из племени филарха Наamana и принадлежали к связанному договором с персами. Тогда и Роман, начальник (ἄρχων) палестинских войск, муж прекрасный в совете и в стратегии

⁴⁵ J. K a w a r. Byzantium and Kinda, p. 69.

⁴⁶ В. Р. I, 19, p. 102.

(= в мирных и военных делах), захватил в войне Агара (Худжра), сына Арефы, называемого Талабаном, с огромным количеством пленных. До этой битвы Роман сразился и обратил в бегство другого скинита, по имени Габала, который нападал на Палестину до его прихода. Также и остров Иотабу, лежащий в заливе Эритрейского моря, подчиненный и обязанный не малыми податями ромейским императором, между тем захваченный арабами-скинитами, Роман освободил в жестоких боях. Затем он предоставил ромейским торговцам независимо (*αὐτονομῶς*) жить на острове, вывозить из Индии товары и установленный налог уплачивать императору». ⁴⁷

Таким образом, к концу V в. можно указать на ослабление киндитских племен и на попытку Византии отеснить кочевых арабов-скинтов по всей границе. Киндиты были особенно тесно связаны с маадеями в центральной Аравии, где те занимали прочное положение. Это подтверждается нарративными арабскими источниками и сабейскими надписями (напр. Ru 509). Малх связывал Имрулькайса, захватившего Иотабу, с «персидскими арабами». Нападавшие на Сирию в 497 г. арабы принадлежали к ним же. Но, кроме того, названы Худжр (Агар, Огр), сын Харита из рода Таалаба, следовательно киндит, и Джабала (Габала)-гасанид, которые также нападали на Византию и потерпели поражение от Романа.

В приведенном тексте следует отметить, что нападения совершались отдельными частями или группами как киндитских, так и гасанидских племен. Габала не состоял еще в числе федератов империи.

За Иотабу арабы держались настойчиво, так как бои за этот остров названы «жестокими».

О судьбе острова Иотабы писал Прокопий; он поставил ее в связь с общим вопросом о политике Византии в отношении к химьяритам и эфиопам. Он рассматривал экономические, торговые связи империи с Южной Аравией и восточным побережьем Африки. На фоне этих связей им решается вопрос и об острове, и о «большом пространстве», занимаемом Финиконом, издавна населенном арабами. Выше приходилось уже упоминать, что текст Прокопия не оставляет сомнения в том, что ему было известно все то, о чем писал Малх; более того, ему было известно, что остров был отвоеван у «скинитов», но он стремился в какой-то мере польстить и в этом случае Юстиниану.

Прежде всего Прокопий старается показать, что Эритрейское море является связующим звеном между «индами» и ромеями, что оно начинается у первых и кончается у Аила, образуя «очень узкий залив». Если плыть из этого города «ромейской державы» в направлении «южного ветра», то справа находятся «горы Египта», а с левой стороны простирается «безлюдная пустыня». Залив настолько узок, что земля видна с обеих сторон.

⁴⁷ Theophanes. Chronographia, p. 141; E. Stein. Histoire des Bas—Empire, t. II. Paris, 1949, p. 91.

Расстояние от Аила до Иотабы составляет около тысячи стадий. «Там проживают издавна иудеи автономно, в царствование Юстиниана ставшие подданными ромеев». Это последнее утверждение находится в противоречии с тем, что известно о восстановлении прав Византии на остров после тяжких боев полководца Романа. Не следует ли в этом видеть, с одной стороны, желание Прокопия прославить Юстиниана и в этом случае? Другое соображение заключается в том, что на острове могли быть фактории купцов, товары которых не подлежали пошлине, ибо эти купцы официально были подданными других государств, тех же химьяритов, может быть. При Юстиниане, когда благоприятные обстоятельства могли сулить торговые выгоды, и эта группа населения нашла удобным признать господствующее положение Византии, искать ее покровительства.

Далее Прокопий характеризует Эритрейское море как опасное для плавания по ночам, так что корабли вынуждены с темнотою приставать к «левому берегу», т. е. берегам Аравийского полуострова.⁴⁸

Морской берег, находящийся сразу за горами Палестины, принадлежит арабам *Σαρακηνοὶ ἔθνησι*, которые «издавна» расположились в Финиконе. На большое пространство материка, т. е. суши, простирается Финикон (ὁ Φοινικῶν) — здесь не произрастает ничего, кроме фиников. Иначе говоря, это пространство представляет собою пустыню, в которой имеются оазисы с финиковыми пальмами. Глава арабов той области, ὁ τῶν ἐκεῖνῃ Σαρακηνῶν ἄρχων, был поставлен филархом арабов Палестины. В заслугу ему следует поставить то, что он оберегал эту землю, по словам Прокопия, при нем она находилась в безопасности, а сам Абукариб (ὁ Ἀβουχάραβος) внушил страх «управляемым им варварам» и врагам. Финикон этот Абукариб подарил императору Юстиниану, но он обладал им лишь «на словах» — τῷ μὲν οὖν λόγῳ . . . ἔχει.⁴⁹ Занять это пространство невозможно уже потому, что дорога туда ведет на десять дней пути по безлюдной и безводной пустыне. «Поэтому, — заключает Прокопий, — этот дар Абукариба не заслуживает внимания, разве только потому, что Юстиниан принял его благосклонно». И в этом случае едва ли можно согласиться с подобной характеристикой Прокопия, в которой можно усмотреть пристрастность. Финикон — это земля, по которой проходила караванная дорога из южной и центральной Аравии к Суэцкому перешейку, Аилу, к Петре, Пальмире, Иерусалиму.

«Земля химьяритов находится в тридцати перегонах (μονὰς τριάκοντα) на юг от принадлежащего ныне ромеем так называемого Финикона», — сообщает «Мученичество Арефы». Подтверждая таким путем сведения Прокопия, этот источник VI в. расстояние до Химьяра измеряет именно от Финикона.⁵⁰

⁴⁸ В. Р. I, 19, p. 101.

⁴⁹ Там же, стр. 102; Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 323.

⁵⁰ Martyrium A r e t h a e. Acta sanctorum. Octobris, t. X. Bruxellis. 1861, p. 722.

Арабы, населяющие Финикон, как и живущие «за Финиконом» и за горами Тавринскими,⁵¹ соблюдают «святость некоего места», где они собираются два раза в год. В «середине весны» целый месяц соблюдается праздник и прекращаются всякие военные действия. После «летнего солнцеворота» то же самое имеет место на два месяца. Это сообщение Нонна, следует полагать, находится в связи с доисламскими обычаями, связанными, наиболее вероятно, с Меккой.⁵²

За Финиконом, южнее, Прокопий располагает племя маадеев, в распоряжении которого находились морской берег и значительная часть материка. Маадеи (Μααδδῆνοι и в некоторых рукописях Μααδδῆνοι) подчиняются химьяритам — Ὁμῆριτῶν κατ'ἕκαστον ὄντες.⁵³

Ромейские войска не могли, да Византия и не была склонна занять все пространство Финикона и поставить там свои гарнизоны. В этом и не было нужды, так как арабы под началом Абукариба и так оберегали эту область. Но Финикон с Аилом, с побережьем вдоль залива и о. Иотабой составляли одно целое и были важной опорой для Византии на юге, являясь как бы ключом к торговым морским и сухопутным путям в Южную Аравию и Эфиопию.

Пока эти области были в руках враждебных киндитов, византийская торговля встречала препятствия. Так как центральные области Аравии были захвачены маадеями, часть которых осталась в Иемене, то их положение оказалось двойственным. Старые связи с Химьяром, которым покровительствовала Византия, столкнулись с новыми интересами маадеев; сблизившись с лахмидским княжеством, маадеи попадали в орбиту интересов Ирана, влияния которого на Аравийском полуострове так опасались в Константинополе. Об этих связях свидетельствует и пребывание маадеев в лагере царя Мундара, когда там был Симеон Бетаршамский в 524 г.

Византия, стремясь установить дружественные отношения с Химьяром и покровительствуя христианству, имела целью обеспечить и торговые пути по Аравийскому полуострову и Эритрейскому морю, поэтому маадеи, подчиненные Химьяру, были лишним звеном, которое могло помочь объединить и обезопасить весь этот путь.

Как область маадеев, так и Финикон и далее на север земля населена арабами — подтверждает Прокопий: «. . . до пределов города Газы она называлась в древности Аравией», — и на нее простирались права «царя арабов», столицей которого был город Петра.⁵⁴

Области Палестины 3-й — Аил, Финикон, о. Иотаба — находились под рукой Абукариба, о котором известно, что он был сыном Джабалы (Габалы)-гасанида. Об этом известно из большой надписи Абрахи 543 г. (СГН 541, строки 91 и 92), где названы оба гасанида — Харит ибн Джабала и Абукариб ибн Джабала; следовательно, еще до этого года филархат

⁵¹ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.

⁵² Там же, стр. 179.

⁵³ В. Р. I, 19, p. 102.

⁵⁴ Там же, I, 19, стр. 103.

Палестины 3-й перешел в руки нового рода, который успешно укреплял свое положение в качестве сторонников и ставленников Византии. Здесь гасаниды выбили из седла киндитов, чтобы укрепить свое положение, они создали протекторат Византии над Финиконом. Абукариб держал в повиновении своих и угрожал врагам, которые его боялись — он заслуживал своего высокого поста.

Являясь филархом Византии, он, как и его брат Харит, направил к Абрахе своих посланцев (строки 90—92), как это сделал и их враг Мундар, царь лахмидов, упомянутый, впрочем, раньше них (строка 90).

В сороковых годах VI в. гасаниды находились в полной силе, они составляли опору и силу Византии против всех арабских племен, им враждебных.

Как известно, Прокопий в отдельной главе своего труда, посвященной Южной Аравии (Р. В. I, 20), говорит в заключение следующее: «Эфиопы не могли покупать метаксу у индов, так как всегда персидские купцы становились в гаванях, где индийские корабли первые приставали, так как они живут в соседней земле, и скупали все товары. Химьяритам же представлялось трудным пройти пустынную и длительную дорогу и напасть на народ более боеспособный. Наконец Абраха, когда надежно утвердился во власти, часто обещал Юстиниану напасть на землю Персиду, но только один раз отправился в поход и тотчас отошел назад».⁵⁵

Это ценное свидетельство Прокопия о том, что Абраха все же совершил один поход в Персиду, сопоставляется целым рядом исследователей с опубликованной в 1953 г. надписью Ру 506, относящейся к 547 г.

Книги «о войнах» были написаны Прокопием Кесарийским между 545 и 550 гг.,⁵⁶ и, следовательно, поход 547 г., засвидетельствованный надписью, мог быть известен ему.

Надпись Ру 506 высечена на скале вблизи колодца Мурайгхана, расположенного в 130 км севернее Химы и 170 км юго-восточнее Биши. Мурайгхан находится на пути, ведущем с юга Аравийского полуострова к Мекке. Выбитая от имени царя Абрахи надпись датирована 662 г. химьяритской эры, что соответствует 547 г. н. э.⁵⁷ Поход Абрахи имел целью усмирить и привести к повиновению племена Маад и «бану Амирим», которые восстали. Судя по надписи, маадеи были не только в тесной связи с лахмидами, но находились в подчинении Хире, так как, побежденные Абрахой, они вынуждены были дать заложников, о чем с царем Химьяра договаривался посланный к нему Амр, сын Мундара III-лахмида (надпись Ру 506, строки 3 и 7). Надпись недвусмысленно говорит о том, что

⁵⁵ Там же, 20, стр. 110.

⁵⁶ В. R u b i n. Das Zeitalter Justinians, p. 193.

⁵⁷ G. R u c k m a n s. Inscriptions sud-arabes. 10-me série. Le Muséon, 1953, v. 66, 3—4, pp. 275—284; J. R u c k m a n s. Inscriptions historiques sabeennes. Le Muséon, 1953, v. 66, 3—4, pp. 339—342; W. C a s k e l. Entdeckungen in Arabien, pp. 28—30.

Амра «поставил правителем над маадеями» именно царь Мундар.⁵⁸ Время, когда над областями, занятыми маадеями, химьяриты ставили царей из рода Кинда, прошло. Племена Маад, переселившиеся из Южной Аравии, находились теперь в зависимости от Хирты, чем и объясняется вмешательство ее в лице Амра ибн Мундара, который ходатайствовал и ручался за них перед царем Абрахой в 547 г. В походе химьяриты были разделены на две части. Одна, состоявшая из киндитов и алитов под предводительством Абгабара и другого полководца Башра, сражалась против восставших бану Амир на запад от Мурайгхана, на побережье Красного моря. Во главе другой части химьяритских войск находился сам Абраха. Последние воевали с маадеями у Халибана, местности, находящейся в 420 км севернее Мурайгхана, в направлении к Хирте.

Эти походы Абрахи следует поставить в связь с персо-византийскими войнами 540—546 гг., в которых химьяриты поддерживали Византию.⁵⁹ С лахмидами у них были и свои счеты, так как области, захваченные маадеями, в центральной Аравии являлись частью «пути благовоний», контроль над которыми с подчинением маадеев Хире перешел к лахмидам. Как в интересах Византии, так и в интересах Химьяра было весь торговый путь по побережью и самое Красное море держать в своих руках, не допуская к нему персов, с которыми была связана Хира. Сношения и сближение маадеев с лахмидами относятся к значительно более раннему времени.

Много оснований полагать, что в труде Прокопия и в надписи из Мурайгхана речь идет об одном и том же событии. Конечно, Абраха напал не на землю персов, Персиду, но два военачальника и сам Абраха вторглись в области, находившиеся в сфере влияния лахмидов, в свою очередь подчиненных Ирану. Этот поход, нанося удар «персидским арабам», тем самым ослаблял и угрожал государству шаханшаха. Химьяр сражался за свои, общие с Византией, экономические интересы, за торговый путь, по которому поступали ароматы и шелк.

N. V. Pigalevskaja

LA POLITIQUE DE BYZANCE ET LA MER D'ÉRITHRÉE

Les sources byzantines sur les ambassades en Arabie et Ethiopie, étroitement liées avec le problème de la mer Rouge, ne sont pas d'accord au sujet des noms des ambassadeurs: Nonnus, un anonyme et Julien. L'avie de l'au-

⁵⁸ В надписи *wsthlfhw/ly/m^cdm* от корня *hlf*, от которого происходит и слово «халиф»: G. R u c k m a n s. *Inscriptions sud-arabes*, p. 284; A. B e e s t o n. *Notes on the Mureighan inscription. Bull. School of Orient. a. African Studies*, 1954, v. 16, p. 391.

⁵⁹ W. C a s k e l. *Entdeckungen in Arabien*, p. 38.

teur est que la solution est donné par Jean d'Ephefus qui mentionne un second Julien missionnaire envoyé par Justinien en Noubie. Nonnus et Julien frère de Summos étaient des ambassadeurs en Arabie et Ethiopie. Les kindites tenaient les clefs de la mer Rouge à l'île de Jotabé, au Phoinicon, par le philarquat de la Palestine III. Le kindite Kais dû céder sa place au Ghassanide Abukaribos ibn Djabala, l'envoyé duquel est connu par l'inscription CIH. 541. «Faire cadeau» Phoinicon à Byzance était un acte d'Abukaribos dans les interets communs de l'empire et des Kinda. L'Erithrée devenait une mer interieur du monde chrétien (Byzance, Himyar, Noubie, Ethiopie) ledé par Byzance.
